О статье Алексадра Лысова «Последний автограф»

[Александр Лысов, «Последний авторгаф (о романе Л. М. Леонова «Пирамида»), *Literatūra* 41–43(2), Вильнюс, 2001]

Свое исследование Александр Лысов предваряет истолкованием подаренного ему Леонидом Леоновым, автором «Пирамиды», «рисунка леса, отраженного в реке», с помощью которого писатель «изъяснял разницу между художественным видением Толстого и Достоевского», и леоновской подписью, чудно повторяющей рисунок и воспринимаемой поэтому как «некий иероглиф». Далее следуют две главы: «О сверхжанровой природе романа «Пирамида» и «Отложенное царство. «Пирамида» Л. Леонова в свете апокалиптики Дм. Мережковского», в которых последний роман Леонова рассматривается как теософский. При этом А. Лысов выступает сам как весьма эрудированный теософ, как собеседник автора «Пирамиды» при его жизни и продолжающий такое собеседование «на равных» и после ухода писателя. Это яркие рассуждения, основанные на сквозном знании леоновских текстов, тонком восприятии образно-символического их стиля, вводящие уникальный материал из бесед с писателем.

Вместе с тем не могу не высказать сомнения по поводу, как мне кажется, абсолютизации А. Лысовым теософской части и смысла «Пирамиды», что проявляется, на мой взгляд, в толковании леоновского романа как монологического и в категорическом сближении его с теософскими романами Д. Мережковского. Оспаривая авторское определение «Пирамиды» – «роман-наваждение» и предлагая иное – «роман-самоопределение», А. Лысов, по-видимому, не считает сущностными ни богатую полифонию книги, ни разнообразную гамму иронии и самоиронии, меняющие кажущуюся вписанность реально-исторического плана в христианско-метафизический по принципу «наоборот». Как и в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского, в книге Л. Леонова абсолютное и вневременное оказывается на деле вписанным в конкретно-земное и мотивированным им. Думается, А. Лысов в своем подходе к «Пирамиде» повторил попытку Д. Мережковского истолковать «Братьев Карамазовых» суженным пониманием самой библеистики, движение которой в мировой и русской литературе – в согласии с духом Откровения – было основано на сопряжении Земного и Небесного для взаимозависимого их углубления и освещения, иначе вряд ли было бы возможно художественно и философски освоить всю амплитуду колебаний русской судьбы, в особенности – XX века. В этой связи не является ли односторонним толкование Лысовым названия романа «Вор» как аббревиатуры русской социальной революции? А. Лысов вспоминает: «Когда я спросил об этом у Леонова, он возмутился, но для виду, а после тут же пришел в веселое настроение, но не сказал ни да, ни нет». А что, если Леонид Максимович возмутился

не «для виду», а всерьез, и повеселел оттого, что воспринял «догадку» А. Лысова как ограничительное самоопределение, т. е. по-писательски перевел его из собеседника в число своих персонажей? Ведь забота об адекватной передаче своих мыслей всегда была свойственна Леонову. Не могу не сослаться на давний пример такой заботы – на письмо Леонида Максимовича Леонова от 7 октября 1975 г. ко мне, тогда заведующему кафедрой Русской литературы ВУ, по поводу возможности публикации записи своей беседы с Лысовым:

Уважаемый товарищ Ивинский,

я получил Ваше письмо с просьбой о публикации в «Ученых записках» Вильнюсского университета записи моей беседы с А. Г. Лысовым.

В одновременно посылаемом ему письме я изложил обязательное условие для такого литературного документа. Если Вы поинтересуетесь содержанием моего письма посланного Лысову, то Вам станет понятной причина моего отказа.

Леонид Леонов

Павел Ивинский